

«Поэт и поэтесса»: Марина Цветаева и Ирина Кнорринг

В письме к Ю.П.Иваску (от 4 июня 1934 г.) Цветаева сделала приписку *поперек страницы*:

«Во мне всё сосуществовало, создано было, с самого начала, [...] с самого замысла матери, хотевшей, решившей сына Александра (*оттого я и вышла поэт, а не поэтесса*)» (VII, 394). <Курсив мой – И.Н.>

Утверждения Цветаевой, что в ней воплощено «несколько» поэтов, и всё «сосуществовало» (она предстает порой непохожей на саму себя), дают основания полагать, что сложилась судьба по-иному, предоставь она поэту ключ-подсказку, и мир увидел бы еще множество неожиданных предметов, освященных не огнем, но светом Марины Цветаевой. Например, эссе, посвященные пьесам А.П.Чехова и его эстетике: ведь просит же она на склоне «горячих лет» (в 1934 г.) послать ей «*прохладный сад*» (хотя в первоначальном варианте этот сад «лиственной горел») (II, 320). <Курсив мой – И.Н.>

Причины, побудившие автора соединить в статье имена Цветаевой и И.Кнорринг, поэтов столь разновеликих, несхожих по характеру творчества, следующие:

- желание познакомить читателя с новыми материалами¹ о творческой жизни Цветаевой, отраженной глазами ее современницы – Ирины Кнорринг, наряду с большими и малыми величинами творившую русскую поэзию;
- драматургия событий, разыгрывающихся вокруг двух поэтов и их семей, складывающаяся по «классическому» сценарию;
- попытка проанализировать «взаимоотношения» Цветаевой со своим «молчаливым» оппонентом – Ириной Кнорринг.

Расскажем кратко «цветаевскому» читателю об И.Кнорринг.

Ирина Николаевна Кнорринг родилась в селе Елшанка Самарской губернии 21 апреля 1906 г. (ст. стиля). Вскоре семья переехала в Харьков, где ее отец, Н.Н.Кнорринг² был директором гимназии; мать Ирины, М.В.Кнорринг³ после окончания Высших женских курсов также собиралась преподавать. Но случилась революция, началась гражданская война, в ноябре 1919 г. семья покинула Харьков и, в числе других беженцев, оказалась в Крыму. В составе Морского кадетского корпуса, расположенного в Севастополе (в корпусе преподавал Н.Н.Кнорринг) семья эвакуировалась в Бизерту (Тунис). Ирине тогда было 14 лет, в Россию она больше не вернулась. В 1921–1925 гг. семья жила в Сфаяте (Тунис). Ирина училась недолгое время в пансионе при католическом монастыре, затем – в школе Морского кадетского корпуса. В 1925 г. семья переезжает во Францию, там Ирина знакомится с поэтом Юрием Софиевым⁴ и в 1928 г. выходит за него замуж; в 1929 г. родился сын Игорь⁵. Умерла поэтесса в оккупированном Париже в 1943 г., в возрасте 37-ми лет от сахарного диабета⁶.

Это – лишь «видимая» часть жизни, но забирающая так много сил у жены и матери. А была и «невидимая», «вторая жизнь», «тетрадная» – ее по-разному называла И.Кнорринг – она и давала ей силы жить. Богатый выбор книг, домашние чтения и концерты, декламация матери – все это способствовало тому, что Ирина всю жизнь имела пристрастие к словесному творчеству. Еще не умея читать и писать, она «сочиняла»: изрекала строки и строфы, которые Н.Н.Кнорринг тщательно записывал в тетрадку; то повторяла прибаутки, песни и сказки за няней, то их сама сочиняла. Отсюда тяга к

простоте и безыскусности подачи материала, привычка не делать различия между разговорной и эпистолярной формой речи.

С творчеством Цветаевой И.Кнорринг была знакома: во время пребывания в Тунисе ее отец «выписывал» для дочери из Парижа книги русских поэтов, среди них и стихи Цветаевой. Кроме того, она слышит имя Цветаевой от К.Бальмонта, которому в 1923 г. Н.Н.Кнорринг, оказавшись в Париже, передает стихи дочери. В письмах поэт постоянно ругает Ирину, предостерегает ее: «Бальмонт [...] по поводу неточной рифмы сказал, что “это выходит у Анны Ахматовой, иногда выходит у Марины Цветаевой, а по – моему, это разгильдяйство!”» (запись от 13 сентября 1923 г.); «Пришла мне открытка от Бальмонта, очень милая и хорошая. Ругает неточные рифмы <в стихах И.Кнорринг – И.Н.>, указывая, как *на грозный пример*, на Цветаеву» (запись от 20 июля 1924 г.) Поэтесса испытала на себе влияние многих поэтов. Стихи Цветаевой «поразили ее свободой рифм и вообще освобождением стиха», – утверждает Н.Н.Кнорринг, – но их форма и напор и, главное, их кажущаяся неблагозвучность, всегда отталкивали Ирину: «Мелодичность, напевность Ирины не вязалась с оригинальными, надуманными рифмами знаменитой поэтессы»⁷. В одном из стихотворений И.Кнорринг «Больше дерзаний! Смелей вперед!», написанном «за Марину Цветаеву», есть такая строфа: «Нелепость? Что-ж! / Долой размеры! / Есть чувство меры – / Не упадешь!»⁸

В начале 1925 г. из Сфаят Ирина посылает несколько стихотворений в редакцию пражского журнала «Своими путями». Редакторами №№1/2, 3/4 журнала были Н.А.Антипов, А.А.Воеводин и С.Я.Эфрон. Несколько слов о журнале, связанном с именами С.Эфрона и Цветаевой, живущих в эти годы в Чехии. «Уединение в чешских деревнях не мешало Цветаевой быть, что называется, на виду в русской эмигрантской литературной жизни»⁹. Цветаева называет «основателем» журнала «абсолютно благородного» С.Эфрона, а сам журнал – «прекрасным» (VII, 28; IV, 637). Возможно, С.Эфрон был *вдохновителем* журнала, т.к. любил участвовать новых общественно-политических делах, но литературно-художественный и общественно-политический иллюстрированный журнал «Своими путями» был органом «Русского демократического студенческого союза в Чехословакии»¹⁰. В журнале печатали как авторов из России, так и русских эмигрантов (такая позиция редакции заставляло причислить журнал «к левым» изданиям). Материал в редакцию журнала присылали из СССР, уже с тех пор у С.Эфрона наблюдается стремление к СССР; с этого момента «его полевание идет неуклонно». Цветаева самоотверженно помогает мужу, разделяя его заботы о новом журнале: «Сережин журнал вышел, – по-моему, хорошо – “Своими путями”. – Громить будут и правые, и левые» (VI, 690, 766); «“Свои пути” процветают, выходят каждый месяц без задержки» (VI, 733). Цветаева защищает журнал в статье «Возрожденщина»¹¹, выступая против Н.А.Цурикова¹², который в журнале «Возрождение» назвал отношение к России редакторов журнала «Своими путями» – «рабски-собачьим» (V, 271). В 1931 г. Цветаева вспоминает о работе С.Эфрона в этом журнале, характеризуя его работу («Журнальный – статейный – навык у него есть») и подчеркивая, *кто* был пионером реализации идеи соединения «двух» литератур:

«Журнал “Своими путями” – который, кстати, *первый* в эмиграции стал перепечатывать советскую литературу, после него – *все*. А сначала – как ругали!» (VII, 333).

Позднее о неизбежном объединении «двух» русских литератур будет говорить и Г.Адамович. Среди тех, кто резко критиковал журналы – как «Своими путями», так и «Версты» – И.А.Бунин: «Случайно просмотрел последний номер пражского журнала “Своими путями”. Плохие пути, горестный уровень!..»¹³; то же – о «Верстах»: «Просмотрел и опять впал в уныние. Да, плохо дело с нашими “новыми путями”»¹⁴.

В журнале «Своими путями» были впервые напечатаны произведения Цветаевой: стихотворение «Хвала богатым» (№3/4, 1925, с. 2), проза «Бальмонту: к 35-летию

поэтического труда» (№5, 1925, с. 13–15), стихотворение «Эмигрант (Поэт)», (№8/9, 1925, с. 3) и ответ на анкету журнала в рубрике «Русские писатели о современной русской литературе и о себе» (№8/9, 1925, с. 7–8)¹⁵.

Итак, Цветаева, помогающая мужу в издательских делах, встречает стихи И.Кнорринг, посланные в редакцию журнала. Из дневника И.Кнорринг: «Вчера получила ответ из редакции “Своими путями”. Конечно, жаль, что печатают только одно стихотворение, а не все. Но это бы еще ничего. А вот зачем переделывают его? Это уже совершенно лишнее. Мне понравилось только, что редактировала его М.И.Цветаева [...] В “Своими путями” послала лучшее. Какая же, значит, дрянь – всё то, что печаталось раньше, да и вообще всё, что я когда-либо печатала?!» (запись от 21 января 1925 г.). И другая запись: «Совсем случайно я нашла №№3-4 “Своими путями”, где было мое стихотворение. Но Цветаева так невозможно “поправила”, что я расстроилась, разозлилась, а потом рассмеялась». Вот стихотворение И.Кнорринг, к которому «приложила руку» Цветаева¹⁶:

Забывать нас стали там, в России,
После стольких незабвенных лет.
Даже письма вовсе не такие,
Даже нежности в них больше нет.

Скоро пятая весна настанет,
Весны здесь так бледны и мертвы...
Отчего ты мне не пишешь, Таня¹⁷
Из своей оснеженной Москвы?

И когда в октябрьский дождь и ветер
Я вернусь к друзьям далеких дней –
Ведь никто, никто меня не встретит
У закрытых наглухо дверей.

14 ноября 1924

...Приближался конец Русской Эскадры¹⁸, в мае 1925 г. семья Кноррингов переехала из Бизерты в Париж. Там Ирина училась во Франко-русском институте социальных и политических наук, посещала курсы французского языка при Сорбонне, а также лекции Народного университета (в последнем преподавал Н.Н.Кнорринг, кроме того он состоял в правлении Тургеневской библиотеки и сотрудничал в газете «Последние Новости»). И.Кнорринг примкнула к Союзу молодых поэтов и писателей в Париже (далее: *Союз*), практически, с момента его организации (весной 1925 г. Клуб молодых литераторов был преобразован в *Союз*, первым его председателем был Ю.Терапиано¹⁹). Дебютировала она стихотворением «Мысли вслух» (и имела первый успех). Из дневника И.Кнорринг: «Видела, наконец, саму Марину Цветаеву. Она была у нас на предпоследнем вечере. Монашев²⁰, по-видимому, струсил и после его усиленной просьбы вместо него читала я» (запись от 2 февраля 1926). Речь идет о вечере *Союза*, посвященном стихам В.Андреева²¹, он состоялся 16 января 1925 г. Вероятно, Цветаева приходила в *Союз* договариваться о помещении для своего творческого вечера, который состоялся в *Союзе* 6 февраля. Это был первый в Париже творческий вечер Цветаевой; она читала стихи, вошедшие впоследствии в книгу «Лебединый стан», и стихи разных лет. При организации творческих вечеров поэты сетовали на то, что организаторы вечеров предпочитают «разбавлять» поэзию музыкой, считая, что на поэтические вечера публика не пойдет. В этом убеждаешься, читая программу «Творческого вечера *Марины Цветаевой*» (перевод с французского автора статьи), ее сохранила И.Кнорринг:

1 отделение

а) Фортепьянная музыка (Равель, Глюк, Брамс) в исполнении мистера Владимира Бюцова

б) Мадам Марина Цветаева – поэзия

2 отделение

а) Поет мадам Ника Кунелли (аккомпанирует на рояле маэстро Кардусси)

б) Выступает профессор Московской консерватории Александр Могилевский (скрипка), партию рояля исполняет герцогиня Надежда Лейхтенбергская (Богарне)

3 отделение

а) Мадам Марина Цветаева – поэзия

б) Фортепьянная музыка (Штраус, Дебюсси) в исполнении мистера Владимира Бюцова

Об этом вечере написано много воспоминаний, вот впечатление И.Кнорринг:

«Был в субботу вечер Марины Цветаевой. С какими мыслями я шла? Не знаю, не помню. Чувства уже двоились, это было уже после того вечера, когда я в первый раз увидела ее. Ее вид меня разочаровал, именно разочаровал, я представляла ее прежде всего – вульгарной, а этого-то в ней и нет. Но все-таки, идя на ее вечер, я могла ругать ее, бросать задорное “Не люблю!»”. А теперь – язык не поворачивается. Что она со мной сделала, чем так поразила – даже и не знаю. Голосом? Читением? Жизнерадостностью? Простотой своей? Всем этим, вероятно. Я хотя там же критиковала ее стихи: “рифма плохая, расплывчато это”, но я все-таки чувствовала, что ее стихи задевают меня, как-то глубоко входят, даже не стихи, а отдельные строки, выражения, и голос, голос. И окончательно она обезоружила меня стихотворением, посвященным Ахматовой, строками: “Чернокосынька моя, чернокнижница!” Я ушла какая-то совсем опустошенная. Словно она отняла у меня самое дорогое. Да, она отняла у меня веру в себя и в непоколебимость и правильность того, что я считала непоколебимо правильным. [...] После вечера Цветаевой целый день я себе места не находила; [...] бросила всё и поехала в город. Зашла к Кольнер²² и такая там была, что даже напугала всех. Потом слонялась по городу. Не ждала я этого. А теперь – просто злая» (запись от 10 февраля 1926 г.).

По следам этого вечера И.Кнорринг пишет стихи, повторяющие ее мысли:

«Цветаевой»²³

Целый день по улицам слонялась.

Падал дождь, закруживая пыль.

Не пойму, как я жива осталась,

Не попала под автомобиль.

На безлюдных, темных перекрестках

Озиралась, выбившись из сил.

Бил в лицо мне дождь и ветер хлесткий,

И ажан куда-то не пустил.

Я не знаю – сердце ли боролось,

Рифмами и ямбами звеня?

Или тот вчерашний женский голос

Слишком много отнял у меня?

1926

Понять состояние И.Кнорринг можно, обратившись к статье А.Бема «Соблазн простоты» о простоте и сложности стихов Цветаевой: «Сложен ход ее поэтической мысли. Но сложность его в том, что он именно прост, не усложнен мостиками логической последовательности, которая задерживает поэтический ход восприятия. Поэзия Цветаевой

– “вдох и выдох”, поэтическое дыхание, заразительное, как зевота. Начинаешь дышать ее воздухом, от прерывистости ее дыхания по иному воспринимаешь мир. Через форму, или вместе с формой начинаешь не только учащенное дышать, но и волноваться ее волнением, мыслить ее логическими ходами. Сложность – здесь тоже обман, вызванный тем, что не успеваешь, не поспеваешь за поэтической напряженностью ее стиха»²⁴ (его слова подтверждает мысль самой Цветаевой о необходимости читателя «напрячься», насколько можешь, при прохождении через «вещь»). Органика И.Кнорринг была слишком иной, чтобы попасть в такт Цветаевой. Но Ирина следила за ее творчеством и знала его, несмотря на «раздражение» ее поэтической манерой. Вот, например, замечание И.Кнорринг о современных танцах:

«Особенность новых танцев: они не веселы [...] Француженки танцуют серьезно, священнодействуют. Нет покрасневших щек и сверкающих глаз [...] Но танцы не всегда служат веселью и эстетике. А такое прикосновение двух тел, такое тесное, что чувствуешь каждый изгиб тела, достигает своего. Бывает, достаточно взять за руку выше кисти, чтобы ощутить дрожь “всего тела вдоль” Так-то, Марина!»²⁵ (запись от 2 февраля 1926).

6 ноября 1926 г. на вечере *Союза* произошел инцидент, описанный В.Сосинским²⁶ в его статье: «История одного кольца или Несостоявшаяся дуэль»²⁷. Добавим несколько деталей со слов И.Кнорринг, известной совершенным неумением привирать:

«Вчера была на вечере молодых поэтов... Не обошлось без скандала. После перерыва вдруг появляется Андреев и заявляет, что будет говорить. Ладинский²⁸ его останавливает, но он упорно, ровно продолжает говорить, что в “Новом доме” помещена статья, ругающая молодых поэтов, что в журнале принимают участие нек<оторые> молодые поэты и что это “хамство”. Кое-как инцидент стихает. Читает Луцкий²⁹, Монашев, остается Ладинский, – как появляется Сосинский и требует слово. Ладинский не дает, он настаивает. “Мы должны закончить программу, тогда – пожалуйста” [...] Читал Ладинский сильно волнуясь, потому и плохо. Потом он объявил вечер закрытым. Тогда опять выскочил Сосинский и стал требовать слова, влез на стул, тут трудно было разобрать, – крики, взволнованные голоса, падающие стулья. После долгого шума ему все-таки дали говорить. Он говорит: “В ‘Новом Доме’ ” помещена возмутительная статья, ругающая нашего великого писателя Ремизова и нашу великую поэтессу М.Цветаеву, называя эту статью хамской, гнусной, подлой, и пусть моя речь будет автору публичной литературной пощечиной”»

За рыцарский поступок, включающий последующую драку, Цветаева подарила В.Сосинскому перстень.

Второй *ежегодный* вечер Цветаевой (в 1927 г.) в *Союзе* уже устроить не удалось. Подыскивая место для проведения вечера, она пишет (письмо к С.Андрониковой-Гальперн от 8 февраля 1927 г.): «С Союзом молодых, по сведениям, выйти не может, – они в руках у враждебной (СТАРШЕЙ) группы» (VII, 103).

Хочется сказать о двух персоналиях, проходящих через судьбу как Цветаевой, так и И.Кнорринг: о М.Слониме³⁰ и Б.Унбегауне³¹. В отличие от Цветаевой, И.Кнорринг несет в себе традиции тургеневских девушек, слезы которых льются в подушку и на бумагу, и письма адресатам не отправляются. С Марком Слоним И.Кнорринг знакомится в гостях у Унбегаунов, где они часто бывала с Ю.Софиевым (а дети их, будучи сверстниками, вместе росли). «Я, кажется, влюбилась в Слонима. Именно влюбилась, как девочка, как дура» (запись от 26 октября 1934 г.). И начался «воображаемый роман», столь же грешный, как и настоящий, считает Ирина (стихи, адресованные «воображаемому собеседнику», называются «Измена»): «Измены нет. И это слово / Ни разу не слетало с губ. / И ничего не

стало новым / В привычно-будничном кругу // Измены нет. Но где-то втайне, / Там, где душа совсем темна, / В воображаемом романе / Она уже совершена...»³²

Борис Унбегаун останется в истории литературы тем самым «богоизбранником»³³, вдохновителем поэтов: поводом к написанию Цветаевой поэмы «Певница» и лирических стихов И.Кнорринг с посвящением «Б.У.», вот несколько строк:

Вы скоро уезжаете на юг.
Вернетесь для меня чужим и новым.
Зачем я вас люблю, мой тайный друг,
Мой слабый друг, зачем пришла я снова?³⁴

На этой ноте унесемся «на юг», куда вскоре уехал Б.Унбегаун, и где летом 1935 г. состоялось его знакомство в Цветаевой. Тем летом в Ла Фавьере собралось много русских, сохранился ряд воспоминаний. Из письма Цветаевой к А.А.Тесковой (от 30 сентября 1935 г.): «Итог лета: ряд приятных знакомств (приятельств) и одна дружба – с молодым русским немцем – в типе Даля, большим и скромным филологом, [...] с странной фамилией [...] Унбегаун [...] И еще итог – несколько стихов: немного, и половина поэмы (о *певнице*: себе)» (VI, 429). Поэма «Певница» осталась не завершенной, но цель ее выполнена: «женская обида – *певом*» истекла (обида на то, что герой поэмы, названный «грузчиком» и «возчиком», сразу переключил свое внимание с великого поэта на ее юную дочь Алю, как только та приехала на отдых): «И так как речь — о русских, / То будет быть — проста. / Внук был, конечно, – грузчик [...] Внук был, понятно – возчик, [...] Трудясь за хлебный грош – / Был тот чернорабочий / С собой – как день хорош» (III, 749). Вдохновитель поэмы, действительно, был «как день хорош». Кроме того, умен и талантлив: «Блестящий молодой ученый – филолог – получил премию [...] Неустанный пешеход – мой большой друг» (VII, 405).

«Итог» того же лета (1935 г.) Ирины Кнорринг – «Поэма Дороги». Тему ее задает название; она посвящена самым ярким впечатлениям И.Кнорринг от «реальной» (не тетрадной) жизни: путешествиям на велосипедах, которые они с Ю.Софиевым совершают каждый отпуск, когда – «За каждым крутым поворотом, / За каждым холмом вдалеке, / Манящее, новое что-то, / Так чуждое зимней тоске»³⁵. Итог следующего лета – воспоминания того же плана: «Вот я опять дома, у себя в кабинете, за письменным столом... И только карты, эти волнующие карты по стенам. Карты, на которых красной шерстяной нитью так красиво проведены волнистые дороги – наши велосипедные пути этого года [...] Ведь это целая эпоха, как она жива в памяти!» (запись от 30 сентября 1936 г.) «Поэма Дороги» – ода велосипеду, шинам, покоренным далям. Один из критиков³⁶ отмечает заимствование названия у поэм Цветаевой (Воздуха, Горы, Конца). М.б. и сама «Поэма Дороги» была «ответным ударом» И.Кнорринг на «Оду пешему ходу» Цветаевой:

«...Сей ухмыл в пол-аршина,
Просто – шире лица:
Пешехода на шину
Взгляд – что лопается» (II, 294)

Возможно, Цветаеву на «оду» вдохновили молодые поэты, регулярно совершавшие велосипедные прогулки и в Медон, где жила она в 1927–1931 гг. Заметим, что «Ода пешему ходу», написанная в 1931–1933 гг. так при жизни Цветаевой и не публиковалась всё по той же причине: «Мне недавно вернули из Совр<еменных> Записок мою “Оду пешему ходу”, уже набранную, – в последнюю секунду усомнились в понятности “среднему читателю”» (VII, 388).

Вернемся в январь 1926 г., когда стали известны итоги конкурса газеты «Звено»³⁷, объявленного еще осенью 1925 г., на лучшее стихотворение. Это был второй конкурс «Звена», первый – на лучший рассказ – был объявлен в начале 1925 г. Подобные конкурсы способствовали привлечению в газету молодых авторов, повышению ее

рейтинга и т.д. Героини нашей статьи также приняли участие в конкурсе. По словам Г.Адамовича, было прислано 322 стихотворения (однако, И.Кнорринг указывает цифру 382). В двух номерах «Звена» (31 января и 7 февраля) было опубликовано 12 стихотворений, отобранных жюри, и предложенных на суд читателей (голоса – в пользу того или иного стихотворения – подавали лишь подписчики «Звена»). Премии конкурса достались поэтам Д.Резникову³⁸ и А.Гингеру³⁹. Цветаева послала на конкурс стихотворение «Старинное благоговенье»⁴⁰, которое, как известно, не только не получило приз, но и не было удостоено публикации. В жюри конкурса входили Г.Адамович, К.Мочульский⁴¹ и З.Гиппиус⁴². «В полном тройственном согласии, – утверждает Г.Адамович, – мы забраковали, как совсем негодное, стихотворение Цветаевой»⁴³. Впоследствии свое возмущение конкурсом, кроме Цветаевой, высказывал также В.Ходасевич и др. И.Кнорринг утверждает, что в Союзе было «очень отрицательное отношение к этому конкурсу: «Своих проведут все равно», “Да мне бы стыдно было получить премию там”. Хотя [...] бросая такие фразы, они в то же время опускают конверты в почтовый ящик» (запись от 2 января 1926). И.Кнорринг послала стихотворение «Клубится пар у печки круглой»⁴⁴ под девизом: «Терпи, покуда терпится». Стихи были опубликованы, но приза она не получила; испытывая досаду, она не без юмора замечает:

«У нас, неудачников, есть крупный козырь: сама Цветаева (не знаю, для каких целей) посылала стихотворение на конкурс, и оно даже не было напечатано. Она сама об этом говорила, и даже в присутствии Адамовича и Мочульского» (запись от 10 марта 1926 г.)

«Для каких целей» – понятно: первая премия конкурса была 200 франков, вторая – 100 франков, что в бюджете неимущих поэтов кое-что да значило.

Послав тогда же свое отвергнутое стихотворение в журнал «Благонамеренный», Цветаева сопроводила его посвящением Д.А.Шаховскому (редактору журнала) и сноской, добавив, что посвящение редактор может снять, но сноске «оставьте непременно». Сноска гласила: «Стихи, представленные на конкурс “Звена” и не удостоенные помещения» (VII, 32). И.Кнорринг также послала в журнал «Благонамеренный» свои стихи – «Цветаевой», предварительно получив согласие редактора на их публикацию, но затем «Шаховский пишет, что в №2 “не осталось ни одного уголка”» (запись от 10 марта 1926 г.) И тогда Н.Н.Кнорринг отнес стихи «Цветаевой» в «Последние Новости», где и он и его дочь часто публиковались (кроме того, были дружны с П.Н.Милюковым, а Н.Н.Кнорринг он играли с ним в одном камерном оркестре на скрипках). «Демидов⁴⁵ поморщился (не любит он ее <Цветаеву – И.Н.>), но обещал напечатать скоро», – пишет И.Кнорринг (10 марта 1926 г.) И стихи были напечатаны, отношения же Цветаевой с газетой всё охлаждали. Скажем несколько слов об этом, т.к. «милюковщина» является одним из безмолвных камней преткновения между поэтом и поэтессой. В 1933 г. Цветаева пишет редактору газеты Демидову: «Посылаю Вам стихи для Последних Новостей, – добавляя не без иронии: – Эти стихи я выбрала как наиболее понятные для читателя» (VII, 440–441). В 1934 г. редакторы газеты подвели ее, не опубликовав прозу «Пленный дух»: «До последней минуты я надеялась на Посл<едние> Нов<ости>, но они моего Белого явно похоронили. [...] Дело, думаю, в Милюкове, которому, как материалисту, все духи, а особенно “пленный”, вроде Белого, *ничего* на земле не умеющие – должны претить, как мне – все обратное, т.е. *всёумение*. Это гораздо глубже, чем вражда личная [...] И это мне еще наказание за отвращение к газете – ко всякой» (VII, 451). Нелюбовь Цветаевой к газетам общеизвестна, а «Последние Новости» она называет и вовсе «дурным местом»⁴⁶. К 1936 г. газета перестала печатать Цветаеву: «П<оследние> Н<овости> (Милюков) меня выжили: не печатаюсь больше никогда» (VI, 433).

Поэт и поэтесса не могли не встречаться на вечерах (по крайней мере, не ежегодном большом вечере поэзии в Париже). Заметим, что в анонсируемых ежегодных вечерах

поэтов фамилии выступающих указывали, как правило, в алфавитном порядке; поэтому замечания, сделанные по поводу, якобы, пренебрежения по отношению к Цветаевой, которую всегда писали в конце объявления («...и, наконец, Цветаева»), думаю, в данном случае, несостоятельны; такой характер анонсирования, скорее, подчеркивает исключительность положения Цветаевой, ее «особость».

Но, дыша одним – парижским – воздухом, поэт и поэтесса жили в разных ритмических и высотных измерениях. Представители двух «ветвей» русской поэзии (Баратынского и Тютчева), они верны себе не только в области творчества. Например, объясняя свой характер, И.Кнорринг приводит строки Тютчева («Лишь жить в самом себе умей, / Есть целый мир в душе твоей») и продолжает: «Я никогда не делюсь ни с кем впечатлениями, чувствами, мыслями. Прежде чем сказать что-нибудь, надо подумать: а интересно ли это слушать другому и надо ли ему это знать? Надо бояться обременять других своей откровенностью. Надо молчать. Надо “уметь жить только в самом себе”. В этом и есть задача жизни» (запись от 24 июня 1920 г.) За «видимыми» категориями стоят «невидимые» (деликатность, неуверенность в себе, честолюбие, неумение фальшивить, лгать и пустословить). Вот мнение Цветаевой о том же предмете: «Что мне делать с человеческим молчанием? Оно меня гнетет, сбивает, сшибает, я его наполняю содержанием, может быть, вовсе и не соответствующим. Молчит – значит плохо <собеседнику – И.Н.> [...] Молчание другого – неизбежность моей растраты. [...] Человек не говорит. Не говорит и смотрит. И вот я под гипнозом *молчания, глядения*, – враждебных сил!» (VI, 315). Другой пример: два отзыва об одном вечере – докладе-диспуте, организованном 5 апреля 1926 г. редакцией журнала «Версты» на тему «Культура смерти в русской предреволюционной литературе», докладчик князь Д.П.Святополк-Мирский. Отзыв И.Кнорринг: «Доклад был очень скучный и глупый. Такой глупый, что Ходасевич на прения даже не остался, и выступало только три молодых человека» (запись от 10 апреля 1926 г.). Отзыв Цветаевой (из письма к В.Ф.Булгакову от 8 апреля 1926 г.): «У нас был очень любопытный доклад князя Святополк-Мирского [...] Но никто не принял вызова, после 1 ч<аса> просто покинули зал. Походило на бегство» (VII, 12).

Несколько слов о «враждебной старшей группе», в руках которых, по мнению Цветаевой, оказался *Союз*. К ней относились «два Жоржика» (Георгий Адамович и Георгий Иванов), Б.К.Зайцев, В.Ф.Ходасевич и др. Поскольку И.Кнорринг (постоянный автор «Последних Новостей») участвовала в жизни *Союза*, она, вероятно, олицетворяла собой «поэтессу, «подпавшую под влияние» и «почивающую на лаврах». Насколько справедливо это утверждение, можно понять, зная, как поэтесса страдала от своего двусмысленного положения. С одной стороны, ее считали «девочкой, пишущей стихи», относясь к ней «снисходительно-покровительственно»⁴⁷; термины «наивны», «недоделаны» – можно было слышать от критиков в адрес ее стихов. С другой стороны, про недостатки ее стихов (да и про саму живую поэтессу) тотчас забывали, когда надо было заполнить публикой зал, и ее «вставляли» в программу поэтического вечера, используя успех ее стихов «у среднего читателя». Одним словом, *личность* Поэта или Поэтессы имела малое значение, когда речь шла о финансовой выручке или о доходах другого рода с продуктов поэтического ремесла. Некоторое время И.Кнорринг она ходила на собрания литературных обществ – отчасти, для того, чтобы обрести репутацию поэтессы (ее не смущало женское окончание); отчасти для того, чтобы из гор «словесной руды» выискать для себя крупницы полезных советов, которые помогут ей выйти из творческого тупика. Кроме того, И.Кнорринг, тонко чувствующая обстановку, не терпела «покровительства», не говоря о «влиянии», и тут же покидала «компанию». Ей органически было свойственно чувство: «грусть мира поручена стиха»⁴⁸. А «веселость» поэтесса приберегала для жизни («У нас образовалась веселая компания, из Института мы идем вместе; по дороге хулиганим, кричим, идем цепью,.. на нас прохожие оборачиваются»), – но стихи ее грустны и камерны.

И.Кнорринг боготворила А.П.Чехова, разделяя тональность его произведений, и «повторяемость» как признак безнадежности, и краткость форм, и тему «счастья в труде», и самого труда – вопреки всему (вспомним, что поэтесса, как и Чехов была много лет больна). Известно, как Цветаева относилась к писателю и к самому «случаю Чехова». Настоящего поэта, по Цветаевой определяет сила «любви – к высшим ценностям; ненависти – к низшим»; если нет этой пропасти между высшим и низшим, если нет этой силы, то нет и поэта. Именно так она определяет «случай Чехова» (VII, 654). А как быть, если категории «высшего» и «низшего» меняются местами, или тесно переплетены? (по Чехову: «плохой хороший человек»)? – и таких «случаев» из жизни Цветаевой – сколько угодно. Примером может служить отношение к Марии Башкирцевой, которую она «безумно» любила, «с безумной болью»⁴⁹; «блестящей памяти которой»⁵⁰ посвятила «Вечерний альбом» в 1910 г. Спустя десять лет (в 1925 г.) Цветаева иного мнения о «Дневнике» М.Башкирцевой: «Суета и тщета. Жаль ее чудесной головы [...] От чтения Башкирцевой – две досады: за нее, знавшую только эту жизнь – и за себя, никогда ее не знавшую» (VI, 760). «Суетой и тщетой» Цветаева называет самокопание, метание, использование «кровотока» для низменных идей. Цветаева уточняет свою позицию: «Я с мире люблю не самое глубокое, а самое высокое, потому русского страдания мне дороже гётевская радость, и русского метания – *то* уединение» (VII, 387–388), хотя и ей близок тезис «через страдание к радости» (она отстаивает свое право на страдание, негодование, на всякое чувство и т.д.) Уменьшение силы «кастальского тока» Цветаева ощущает, о чем она пишет, например, В.Н.Буниной; это есть результат уменьшения «силы» любви и ненависти. Тогда – «случай Чехова». «Чеховщине» («тому, что есть») Цветаева противопоставляет «Мифотворчество» – «извлечение из человека основы и выведение ее на свет». Мифотворчество: то, что быть могло и быть должно». В «мифотворчестве» происходит «усиление основных черт в человеке», то же, что происходит с памятью. Цветаева приводит реплику: «La mémoire a bon gout» («у памяти хороший вкус») (IV, 205), – т.е. память выводит на свет лучшее. Вот почему ей так чужды поэты «парижской ноты», к которой, по существу, относится и И.Кнорринг.

Может показаться странным, что Цветаева имя И.Кнорринг не разу не упоминает – ни в письмах, ни в дневниках (хотя оставляют надежду многочисленные купюры в цветаевских письмах). Приехав во Францию одновременно в 1925 г., они вращались в одних литературных кругах, выступали на одних поэтических вечерах, встречались на «Балах прессы», «Днях культуры» и т.д.; «кланялись в ноги» одним и тем же издателям, просили денег на учебу детей, на терм и т.д. в одних комитетах помощи; как и семья Цветаевой, Кнорринги бедствовала, и вопросы, связанные с тем, как прокормить детей, оплатить терм, учебу, организовать им отдых, лечение и т.д., требовали одинаково напряженных усилий. У семей было много общих знакомых... Где-то рядом Ирина, но о ней нет ни слова; ей – гордой, молчаливой, тихой, честолюбивой, правдивой, женственной... – нет места рядом с Цветаевой. Ее нет – ни в положительном, ни в отрицательном аспекте. Вероятно, И.Кнорринг растворена в текстах Цветаевой – в названных выше «чеховщине», «милюковщине», «понятных стихах» и «среднем читателе» (хотя чуть выше мы говорили об относительности «простоты» и «сложности» стихов), и в других предметах, которые Цветаева щедро одаривает своим презрением, осознавая себя «наверху лестницы, и снижаться» не собираясь⁵¹. (Заметим, что И.Кнорринг не была бы женщиной, если бы в дневниках своих не высказывала иной раз торжество по поводу очередного успеха «назло завистникам и злопыхателям» – также не называя имен).

Кроме поэтических мероприятий, в Париже были – политические, где проводили много времени мужья Цветаевой и И.Кнорринг, речь идет о Союзе возвращения на Родину. Там, кстати, выступала и Цветаева (из письма к А.А.Тесковой от 15 февраля 1936 г.): «Положение двусмысленное. Нынче [...] читаю на большом вечере эмигрантских поэтов [...] А завтра [...] по просьбе своих – на каком-то возвращенческом вечере»

(VI, 434). Вопрос: ехать или не ехать в СССР – висел над обеими женщинами, каждая из них взвешивала за и против. Женское сердце – вещун, будь то – поэт или поэтесса. У каждый главный аргумент за: у детей там есть будущее; против – там они жить не смогут. Противоречия между Цветаевой и С.Эфроном (а также и внутренние противоречия поэта), связанные с возвращением в СССР, читателю известны. В записях И.Кнорринг – о позиции ее мужа по этому вопросу и о напряжении в семье в связи с этим – звучит нечто до боли знакомое. А что касается понимания истинного положения вещей и честности перед самой собой – «наверху лестницы» находится И.Кнорринг; вот несколько примеров: «Я доказываю невозможность сделать из Игоря русского человека – для этого нужно отвезти его в Россию. А для этого, прежде всего – самое тесное сближение с советской колонией [...], со всеми последствиями, которые отсюда вытекают – вплоть до шпионажа, доносов и т.д.; чтобы иметь доступ в Россию – нужно выслужиться. Для себя я это нахожу совершенно неприемлемым»; «Юрий после каждого советского фильма приходит совершенно отсоветченный. Все хорошо, и колхозы, и ребятишки, и авиация, и утки на болоте, и музыкальные школы, и парады»; «Сама я в Россию не поеду, но Игоря отдам отцу. М.б. там ему будет лучше [...] В тот же день, когда он уедет, я кончу самоубийством».

Закончить статью памяти – памяти о великом поэте и поэтессе – хочется упоминанием о чуде: не чудо ли, что последней записью (от 2 июня 1939 г.), сделанной Цветаевой перед отъездом в СССР, были стихи «себе на память» ее противника, Г.Адамовича, с пометкой «Чужие стихи, но кот<орые> местами могли быть моими. МЦ»

...Был дом, как пещера. И слабые, зимние,
Зеленые звезды. И снег, и покой...
Конец. Навсегда. Обрывается линия.
Поэзия, жизнь! Я прощаюсь с тобой.⁵²

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Автор статьи выражает глубокую благодарность Н.М.Черновой, хранительнице архива Софиевых-Кноррингов, поэту, публикатору и журналисту, за возможность ознакомить читателей с дневниками Ирины Кнорринг.

² Кнорринг Николай Николаевич (1880–1967), дворянин, коллежский советник, историк, педагог, автор статей и монографий.

³ Кнорринг (урожд. Щепетильникова) Мария Владимировна (1881–1954), дочь статского советника, педагог, член Дамских комитетов – Морского собрания в Бизерте и Тургеневской библиотеки в Париже.

⁴ Софиев Юрий Борисович (1900–1975), поэт, художник. Участник Добровольческой армии, в эмиграции с 1920 г. в Галипполи, затем в Югославии. Учился в Белградском университете. В 1924 г. переехал во Францию, работал на шинном заводе в Монтаржи; с 1927 г. жил в Париже. Был председателем Союза молодых поэтов и писателей в Париже. В 1955 г. вернулся в СССР.

⁵ Софиев Игорь Юрьевич (1929–2005), переводчик, мемуарист.

⁶ Подробнее см.: *Кнорринг Н.Н.* Сфаят: Очерки из жизни Морского корпуса в Африке – Париж: 1935; *Струве П.Б.* Русская литература в изгнании – Париж: Имка-Пресс, М.: Русский путь, 1996, с. 321; *Берг В. фон.* Узники Бизерты: Документальные повести о жизни русских моряков в Африке в 1920-1925 гг. – М.: 1998; *Словарь поэтов русского зарубежья / Под общей ред. В.Крейды* – СПб: Из-во Рус. Христ. Гуман. Инс-та, 1999, с. 120-121; *Кнорринг Н.Н.* Книга о моей дочери – Алматы: 2003; *Тюрин В.Г.* «Чрез врата изгнания»: Крым в судьбе и творчестве Ирины Кнорринг // Крымский альбом. 2003 / Изд. и ред. Д.Лосев – М., Феодосия: Изд. дом «Коктебель», 2004, с. 108-121.

⁷ Книга о моей дочери, с. 39.

⁸ Там же.

⁹ *Саакянц А.А.* Марина Цветаева: Жизнь и творчество. М.: Эллис Лак, 1997, с. 323.

¹⁰ В 1923 г. был образован «Русский демократический студенческий союз в Чехословакии», председателем Союза был избран А.В.Осокин, товарищем председателя – Д.И.Мейснер,

секретарем – К.Г.Герцен. Лозунг Союза: «Россия – демократия». См. статью: Саакянц А. «О журнале “Своими путями” и участии в нем Сергея Эфрона» // Русская мысль, 1991, 31 мая, 7 июня.

¹¹ Впервые: «Дни», Берлин, 1925, 16 октября.

¹² Цуриков Николай Александрович (1886–1957), публицист.

¹³ Бунин И.А. «Своими путями» // Критика русского зарубежья: В 2 ч. Ч. 1 / Сост., предисл., преамбулы, примеч. О.А.Коростелев, Н.Г.Мельников – М., 2002, с. 77.

¹⁴ Там же, с. 79.

¹⁵ Автор данной статьи выражает благодарность составителям библиографии М.Цветаевой: *Bibliographie des œuvres de Marina Tsvétaeva / Établie par Tatiana Gladkova, Lev Mnukhine; Introduction Veronique Lossky* – М.: «Дом Марины Цветаевой»; Paris: Institut d'Études Slaves, 1993, – материалы которой использованы при составлении примечаний.

¹⁶ Впервые: «Своими путями», №3/4, 1925, с. 11.

¹⁷ Гливенко Татьяна Ивановна – подруга Ирины Кнорринг по Харькову, дружбу с которой она сохранила и в годы эмиграции.

¹⁸ 20 октября / 6 ноября 1924 года Русская эскадра закончила свое существование.

¹⁹ Терапиано Юрий Константинович (1892 – 1980), поэт, критик, мемуарист, первый председатель Союза молодых поэтов и писателей в Париже.

²⁰ Монашев (Монашов) Диомед, поэт.

²¹ Андреев Вадим Леонидович (1902–1976), поэт, участник Сопrotивления.

²² Кольнер (в замужестве Габар) Наталья Ивановна – подруга И.Кнорринг по Бизерте.

²³ Впервые: «Последние известия», 1926, №1824, 21 марта, с. 2. См. также в книге: Посвящается Марине Цветаевой: Сборник стихов / Вступ. ст., сост. и подг. текста В.С.Мнухиной, Л.А.Мнухина – М.: 1991, с. 45.

²⁴ Бем А. Письма о литературе: Соблазн простоты // Марина Цветаева в критике современников: В 2-х ч. Ч. I. 1910–1941 годы. Родство и чуждость. – М.: Аграф, 2003, с. 448.

²⁵ И.Кнорринг приводит строчку из стихотворения М.Цветаевой «Приметы»: «Я любовь узнаю по боли / Всего тела вдоль» (Впервые: «Последние новости», 1925, 20 декабря, №1737).

²⁶ Сосинский Владимир Брониславович (наст.: Бронислав Брониславович Сосинский-Семихат) (1900–1987), литератор.

²⁷ См.: Сосинский В.Б. Рассказы и публицистика – М.: «Российский архив», 2002, с. 121–128.

²⁸ Ладинский Антонин Петрович (1896–1961), поэт, редактор.

²⁹ Луцкий Семен Абрамович, поэт.

³⁰ Слоним Марк Львович (1894–1976) – общ.-полит. деятель, литер. критик.

³¹ Унбегауны – Борис Генрихович (1898–1973) – профессор, филолог; его жена — Елена Ивановна (урожд. Мансурова).

³² Кнорринг И. После всего (вариант) – Алматы: 1993, с. 97.

³³ М.Цветаева об Аси Тургеневой – музе Андрее Белого: «Уже шестнадцать лет я поняла, что внушать стихи больше, чем писать стихи, бóльшая богоизбранность, что не будь в мире “Ась» – не было бы в мире поэм» («Пленный дух», IV, 235).

³⁴ Кнорринг И. После всего, с. 96.

³⁵ Там же, с. 98.

³⁶ См. Кормилов С.И. «Кнорринг И. После всего – Алматы: 1993 (вариант)» [Рецензия] // De Visu №3/4, 1994, с. 90–92.

³⁷ Звено: Ежедневная литературно-политическая газета (позднее – Ежедневный литературный журнал литературы и искусства) (1923–1928). Редакторы М.М.Винавер и П.Н.Миллюков.

³⁸ Резников Даниил Георгиевич (1904–1970), поэт.

³⁹ Гингер Александр Самсонович (1897–1965), поэт.

⁴⁰ Впервые: «Благонамеренный», № 2, март-апрель, 1926, с. 21.

⁴¹ Мочульский Константин Васильевич (1892–1948) – критик, литературовед.

⁴² Гиппиус Зинаида Николаевна (1869–1945) – поэт, критик, мемуарист.

⁴³ Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918–1940: Периодика и литературные центры – М.: РОССПЭН, 2000, с. 160.

⁴⁴ Впервые: «Звено», 1926, №1, 31 января. Приводим стихи И.Кнорринг «Клубится пар у печки круглой», чтобы читатель мог иметь свое мнение – о решении жюри конкурса:

Клубится дым у печки круглой,
Кипит на керосинке чай,
Смотрю на все глазами куклы, –
Ты этих глаз не замечай!

Все так же ветер в парке стонет,
Все та же ночь со всех сторон.
А на стене, на красном фоне –
Верблюд, и бедуин, и слон.

Ведь все равно, какой печалью
Душа прибита глубоко.
Я чашки приготовлю к чаю,
Достану хлеб и молоко.

И мельком в зеркале увижу,
Как платье синее мелькнет,
Как взгляд рассеян и принижен,
И нервно перекошен рот.

⁴⁵ Демидов Игорь Платонович (1873–1946), журналист, член Государственной думы, кадет, один из редакторов газеты «Последние Новости».

⁴⁶ Из письма к Ю.П.Иваску от 4 июня 1934 г.: «...В каких-нибудь “Последних Новостях” или dans un autre mauvais lieu» (*фр.*) – в другом дурном месте (VII, 392).

⁴⁷ В отличие от поэтической братии, среди студентов Франко-русского института социальных и экономических наук И.Кнорринг чувствует себя уютно: «Я там скоро освоилась. Студенты – не сверхчеловеки, а друг к другу относятся не снисходительно-покровительственно», и в себе замечает изменения (после парижской адаптации): «Я вообще подметила в себе эту новую черту, – высоко задранная голова и напускное, явно напускное равнодушие. И еще дерзость, вызов постоянный»: (запись от 1 июня 1926 г.)

⁴⁸ Мысль – «грусть мира поручена стиха» – высказал Адамович, сделав ее девизом поэтов «парижской ноты». Назначение эмигрантской литературы – высокое и серьезное – выполнить можно только при полной зрелости и внутренней честности, считал духовный лидер «ноты», всё лишнее прочь. Эмигрантской литературе, считал он, не к лицу громкость и крикливость, «пафос революции» (а советской – к лицу только «до первой пятилетки»); эмигрантской литературе он прописывал «пьяно и пианиссимо».

⁴⁹ Из письма к В.В.Розанову (от 7 марта 1914 г.): «Марию Башкирцеву я люблю безумно, с безумной болью. Я целые два года жила тоской о ней. Она для меня так же жива, как я сама» (VI, 119).

⁵⁰ В данном контексте ошибка составителей собрания сочинений М.Цветаевой – «светлой памяти» (VI, 128) вместо «блестящей памяти» Марии Башкирцевой – весьма любопытна: она как бы подтверждает мысль о неизбежности «снижения» яркости поэтических эпитетов по мере привыкания к «предмету» любви (поскольку Цветаева любит все «одинаковой любовью»), одновременно являющегося предметом наблюдения и осмысления.

⁵¹ Из письма Цветаевой к Ариадне Берг от 2 сентября 1935 г.: «Был у меня и молодой собеседник – моложе меня на десять лет – который приходил ко мне по вечерам на мою скворешенную лестницу – вечером гулять нельзя, п.ч. совершенно черно и все время оступаешься, а в комнате спит Мур – вот и сидели на лестнице, я повыше, он – пониже, беседовали – он очень любил стихи – но не так уж *очень*, ибо с приездом моей дочери [...] сразу подменив меня, живую, меня – *меня*, – понятием “Votre maman”. Пишу Вам об этом совершенно просто, ибо я все еще – *на верху лестницы*, и спускаться не собираюсь» (VII, 488). Приведем еще одну запись Цветаевой, объясняющую ее, вероятно, *физическую* неспособность проявлять милосердие («опускать планку», спускаться хоть на ступеньку): «Есть люди, общество которых нас унижает. Это сложнее, чем кажется. Люди, которые на нас линияют (NB! Самые слабые, самой слабой окраски: *прочно-серой!*) [...] Одни унижают нас перед собою (мною), другие – перед лицом окружающих. Видя меня напр<имер> в первый раз с Х., человек невольно объединяет нас, как бы мы ни различались. Это особенно распространяется у меня на женщин: я всегда чувствую себя ответственной за глупости, которые они говорят. Мне стыдно. Нечто родовое» (*Цветаева М.*

Неизданное. Сводные тетради / Подгот. текста, предисл. и примеч. Е.Б.Коркиной и И.Д.Шевеленко. М.: Эллис Лак, 1997. С. 327.)

⁵² Цит. по книге: *Цветаева М.* Неизданное. Семья: История в письмах / Сост., подгот. текста, коммент. Е.Б.Коркиной. М., Эллис Лак, 1999, с. 388.